

МИХАЭЛ НАЛБАНДЖАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА
1967

МИКАЭЛ

НАЛБАНДЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с армянского

С (Арм) 1
Н23

Вступительная статья и примечания
С. ДАРОНЯНА

Составитель
А. АРШАРУНИ

Оформление художника
Г. КРАВЦОВА

$\frac{7 - 4 - 3}{117 - 66}$

МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН — ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Армения, некогда могущественное государство Древнего Востока, на протяжении многих столетий была ареной бесконечных войн и нашествий. Как смерч, проносились полчища захватчиков, огнём и мечом уничтожая города и сёла, истребляя мирных жителей.

Стонала израненная страна армянская. Гонимые, обездоленные, армяне покидали родные края и уходили на чужбину. Большой поток беженцев устремился в русские земли.

В конце XVIII века на правом берегу тихого Дона вырос армянский городок, которому дали название Ново-Нахичеван (ныне один из районов Ростова). Здесь 2(14) ноября 1829 года, в семье бедного ремесленника-кустаря, родился Микаэл Лазаревич Налбандян — великий армянский революционер-демократ, поэт-гражданин, блистательный критик и публицист.

Юные годы будущего писателя прошли в родном городе с его патриархальными нравами, предрассудками и невежеством. «Жизнь в этом городе, — писал Налбандян в своём «Дневнике», — однообразна и скучна и носит азиатский характер». В Ново-Нахичеване было шесть церквей, собор, монастырь — и ни одного театра или библиотеки. Молодые люди с нетерпением ждали пасхи, когда весь город собирался на площади у собора. Здесь они могли присмотреть себе невесту: в остальное время года девушкам запрещалось выходить на улицу — это считалось нарушением обычая.

Уже в ранней юности у Налбандяна появилось враждебное отношение к традициям религиозного благочестия, превратившееся впоследствии в отрицание религии вообще. Первое такое столкновение произошло в школе местного дьячка, напоминавшей описанную Помяловским бурсу. Не вынеся ужасающей зубрёжки и ежедневных побоев, Микаэл сбежал от невежественного псаломщика и поступил в школу священника Габриэля Патканяна, отца известного армянского поэта Рафаэля Патканяна.

Габриэль Патканян был прогрессивно настроенным общественным деятелем и талантливым поэтом: ему принадлежит первый перевод на армянский язык «Гамлета» Шекспира, он увлекался русской поэзией и даже в подражание «Тамбовской казначейше» Лермонтова написал поэму «Кайпак», которую ещё до недавнего времени ошибочно приписывали Налбандяну.

Патканян как чуткий педагог сразу заметил в Микаэле поэтическое дарование и в 1851 году опубликовал в издаваемой им тифлисской газете «Арагат» первые стихи своего ученика, в том числе сатиру «Мнение глупцов об учении».

Увлечение русской литературой Г. Патканян передавал и своим питомцам. В архиве Налбандяна сохранилась рукописная копия комедии Грибоедова «Горе от ума», которая, по всей вероятности, была подарена ему Г. Патканяном.

Вдохновлённый русской поэзией, Микаэл Налбандян в 50-х годах переводит на родной язык «Черкесскую песню» из «Кавказского пленника» Пушкина, «Пророка», «Спор» и «Ветку Палестины» Лермонтова. В духе пушкинских стихов «Заздравный кубок», «Вакхическая песня» написаны ранние стихотворения Налбандяна «Жизнь» и «Арбат», в которых ощутимы эпикурейские мотивы, воспеваются радость, веселье и счастье земной жизни. Под влиянием Пушкина Налбандян создал замечательное стихотворение «Поэт», утверждающее гражданское призвание поэта.

В юношеских стихах армянского поэта слышны и романтические интонации лермонтовской лирики. В одной из «Дум» Налбандяна, перекликающейся с «Парусом», изображён мужественный, бесстрашный человек, идущий навстречу буре и грозе:

А смелому и буйство волн свирепых нипочём, —
Он держит руку на руле, в нём жизнь кипит ключом.
Немало в жизни видел он подобных гроз и бурь, —
Он знает, что за бурей вслед проглянет вновь лазурь.

(Перевод В. Звягинцевой)

Налбандяну особенно был близок трагический образ лермонтовского поэта-пророка, обличителя общественного зла. В своём «Дневнике», выступая против тех, кто пытался заглушить голос правды, он цитировал Лермонтова:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

И действительно, на протяжении всей своей недолгой жизни Налбандян постоянно испытывал на себе удары «каменьев». Рано он познал нужду и лишения. Скучного заработка отца едва хватало, чтобы прокормить большую семью, где Микаэл был самым младшим из семерых детей. Ему пришлось оставить школу и устроиться писарем Нахичевано-Бессарабской епархии в Кишинёве.

Деятельность Налбандяна в епархии, его прямота и честность вызвали резкое недовольство местных властей и католика — патриарха армянской церкви, которые подвергали «вольнодумного» дьячка преследованиям и открытой травле. Дело дошло до того, что на него был состряпан клеветнический донос наместнику Кавказа Воронцову (тому самому, о котором Пушкин написал известную злую эпиграмму). И 25 мая 1853 года последовал приказ об аресте «преступника Налбандова», но, обманув полицию, он успел уехать в Москву.

Армянского юношу, отрёкшегося от духовного званья, манил прославленный Московский университет, он жаждал знаний, недостаток в которых так остро ощущал все эти годы. Но, почти не имея каких-либо средств к существованию, он поначалу вынужден был устроиться учителем армянского языка в Лазаревском институте восточных языков. Однако и здесь его не оставляют в покое. 23 января 1854 года он впервые был арестован. И хотя Налбандяна вскоре освободили, тем не менее дирекция института отстранила его от занятий, а затем и уволила как личность «нравственно неблагонадёжную». С такой аттестацией Налбандян претерпел немало мытарств, прежде чем осенью 1854 года ему удалось определиться вольнослушателем медицинского факультета Московского университета.

В университете Налбандян учился одновременно с И.М. Сеченовым и С.П. Боткиным, слушал лекции выдающихся учёных того времени — К.Ф. Рулье, И.Т. Глебова, Ф.И. Иноземцева, Т.Н. Грановского и других.

Выбор Налбандяном медицинского факультета был не случаен: естествознание, где широкую дорогу пробивал себе материализм, привлекало особое внимание прогрессивной молодёжи, что нашло своё отражение и в художественной литературе («Доктор Крупов» Герцена, «Отцы и дети» Тургенева, «Что делать?» Чернышевского, неоконченный роман Налбандяна «Вопрошение мёртвых» и другие). Естественные науки формировали мировоззрение «новых людей» как просветителей-материалистов в их борьбе за светлые идеалы будущего.

В 50-х годах возмужал поэтический талант Налбандяна. Он стал острее смотреть на

жизнь, глубже изучать суровую действительность. Печатью философского раздумья отмечены его стихи «Истина», «Надежда», цикл «Думы», «Предложение». Всё громче звучат гражданские ноты в лирике поэта. Пафосом свободы, ненавистью к рабству и угнетению проникнуто стихотворение «Наступление весны», где в аллегорических образах весны и Масиса (Арарата) выражена вера в обновление жизни многострадального армянского народа, скованного льдами самодержавия и турецкого деспотизма. Правда, тут нет ещё призыва к борьбе за «весну», но душа поэта полна гнева и возмущения.

Расцвет творчества Микаэла Налбандяна падает на период его сотрудничества в армянском демократическом журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), основанном в 1858 году в Москве профессором С.И. Назаряном, видным общественным деятелем. Здесь Налбандян публиковал свой «Дневник», главы публицистического романа «Вопрошение мёртвых», литературно-критические статьи, оригинальные стихи и переводы из Гейне и Беранже. Своими произведениями он утверждал реализм и народность в армянской литературе, продолжая традиции великого просветителя-демократа Хачатура Абовяна (1805—1848).

Налбандян был душой «Юсисапайла». Благодаря его блистательному публицистическому таланту журнал стал боевым органом, знаменем прогрессивной армянской журналистики. Армянская молодёжь с нескрываемым волнением раскрывала номера «Юсисапайла», где печатался Налбандян под псевдонимом «Граф Эммануэл». Конечно, многие читатели догадывались, что «Граф Эммануэл» и Микаэл Налбандян — одно и то же лицо. Но некоторых так увлекала своеобразная форма публициста, что они принимали «Графа Эммануэла» за реальную личность и даже писали ему письма. Что же касалось тех, у кого совесть была нечиста, то они так же боялись попасть в «Дневник графа Эммануэла», как и их русские собратья по классу — в «Колокол» Герцена или в «Искру» Курочкина. Понятно поэтому, почему «Юсисапайл» вызвал яростный вой в стане реакции.

Идейные противники Налбандяна всеми средствами — клеветой, шантажом, запугиванием — стремились поставить журнал в трудное положение, подорвать его авторитет, сбить его влияние на молодёжь, лишить подписчиков. Налбандян с гневом и презрением отвечал тем, кто силился погасить лучи «Северного сияния»: «До нашего слуха доходят сумасбродные мнения и идеи некоторых легкомысленных журналов и газет, но они не больше, чем звон разбитого колокола. Мы смеёмся над ними, но смех этот для нас горше слёз, поскольку это происходит в нашем народе... Возможно, вина наша в том, что мы через столетие воочию видим грядущие дни нашего народа».

Это прекрасное чувство исторического оптимизма всегда было свойственно великим деятелям: помните, как Гоголь устремлял свои взоры к будущей Руси, Белинский завидовал внукам и правнукам, которые увидят Россию через сто лет, а Чернышевский восхищался теми, кто, опережая свою эпоху, приветствовал зарю светлого будущего.

Весной 1859 года, когда над «Юсисапайлом» нависла угроза закрытия, Налбандян, избегая очередного ареста, выехал под предлогом лечения за границу: тяжёлые условия, в которых выходил журнал в России, приводят его к мысли основать за границей вольную армянскую типографию по типу герценовской.

Стремление встретиться с Герценом и Огарёвым, к которым было приковано внимание прогрессивных людей того времени, потянуло Налбандяна в Лондон: он шёл на призывный звон «Колокола». Поездка эта для него не осталась бесследной. Вскоре после отъезда из Англии он пишет для «Юсисапайла» знаменитое стихотворение «Свобода», близкое к одноимённому стихотворению Огарёва.

В 40—50-х годах, вместе с ростом национального самосознания, бурный расцвет получает и гражданская лирика; особенно это проявилось в творчестве Х. Абовяна, Г. Алишана, М. Тагиадяна, Г. Додохяна и Р. Патканяна. Однако до Налбандяна никто в Армении не вос-

певал так страстно жажду свободы, никто столь активно не призывал армян к борьбе за свободу. Налбандян внёс революционный дух в армянскую гражданскую поэзию. Мужественная, насыщенная революционным пафосом, патриотическая лирика Налбандяна оказала сильное влияние на стихи молодых поэтов, сотрудников «Юсисапайла» — С. Шахазиза, Г. Бархударяна, М. Будагяна, М. Садатяна и многих других. О них говорили как о плеяде поэтов-«юсисапайловцев», плеяде Микаэла Налбандяна.

«Свобода» Налбандяна стала гимном передовой армянской молодёжи, она переписывалась на фотографиях поэта и распространялась повсюду, где звучала армянская речь. Слова песни воспринимались как смелый призыв к восстанию:

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

(Перевод В. Звягинцевой)

Революционным пафосом пронизаны и другие стихотворения Налбандяна, созданные также за границей, — «Песня итальянской девушки», «Дни детства» и «Аполлону». Армянский поэт не только призывал к борьбе за свободу. Он, как и его русские единомышленники, готов был и сам участвовать в этой борьбе.

Если в ранние годы Налбандян считал, что спасение армянского народа — в просвещении, то теперь, под влиянием освободительного движения угнетённых народов Западной Европы, он отбрасывает эти иллюзии. «Разговор о просвещении без свободы, — писал Налбандян в путевых заметках «Дневника», — мы признаём губительным, софистикой... Да здравствует свобода!» С этим революционным лозунгом он и возвратился в Москву осенью 1859 года.

Теперь ему уже тесно в узких рамках просветительной программы «Юсисапайла». Он уходит из редакции, однако связи с журналом не прекращает, поскольку это было единственное в то время прогрессивное армянское периодическое издание.

Вскоре Налбандян уезжает в Петербург, а спустя год, защитив кандидатскую диссертацию на восточном факультете университета, вновь отправляется в длительное путешествие.

Он ехал с официальной миссией: получить в Индии наследство, завещанное одним богатым армянским купцом в пользу просвещения города Нахичевана-на-Дону. Но именно эта поездка стала важнейшей страницей в его биографии: армянский писатель окончательно связал свою судьбу с революционным движением. Иначе он и не мог поступить: уж слишком большой была боль за страдания родного народа. Не случайно незадолго до этого Налбандян публикует в журнале «Юсисапайл» стихотворение «Дни детства», в котором есть такие строки:

И понял я тогда, что эта боль
Дотолы в бедном сердце не пройдёт,
Доколе, сир, безмолвен, угнетён,
В позорном рабстве будет жить народ.

(Перевод В. Звягинцевой)

И вот, по пути в Калькутту, Налбандян впервые вступает на землю родной Армении. Надо представить себе его волнение! Всего полтора месяца пробыл он в долине седого

Арарата, а как много увидел и пережил! Его поразила бедность и нищета армянских крестьян. Присутствуя на храмовом празднике в Эчмиадзине — резиденции католикоса, — он смотрел на измождённые лица и изодранные одежды богомольцев...

Налбандян посетил заброшенную могилу создателя армянского алфавита Месропа Маштоца и произнёс над ней щемящие сердце слова:

Он дал народу письменна,
Жизнь языку он обеспечил, —
Народ же бедный гроб его
Ни буквой не увековечил!

(Перевод С. Шервинского)

Побывал Налбандян и на родине Хачатура Абовяна, который так и не увидел напечатанным своё детище — роман «Раны Армении». Налбандян был первым критиком, кто по достоинству оценил значение этого первого реалистического романа в армянской литературе. Когда в 1858 году роман был напечатан (через десять лет после трагической гибели автора!), журнал «Юсисапайл» устами Налбандяна сказал то, что Абовян при жизни так и не услышал: «Произведение светлой памяти Абовяна «Раны Армении» — верный образец народности литературы... Вот где воплощена душа народа!.. В нём, словно в волшебном зеркале, отражены писателем печальные, неутешительные картины национальной жизни народа».

С грустью покидал Налбандян каменистую землю древней Армении...

Восторженно встречала Налбандяна в Константинополе армянская передовая интеллигенция, видя в лице посланца из России горячего патриота армянского народа. Налбандян включился в политическую борьбу, которую вели демократы за улучшение жизни армянской общины в Турции. О бедственном положении турецких армян он даже представил докладную записку русскому послу, прося у него содействия и покровительства.

Почти одновременно с Добролюбовым Налбандян побывал в Италии, где стал свидетелем национально-освободительного движения под руководством Гарибальди. Горячо приветствуя героическую борьбу итальянского народа, армянский революционер-демократ устремлял свои взоры к порабощённой Армении. «Душа горит огнём, — говорил он. — Этна и Везувий дымятся. Разве не осталось хоть искорки огня в древнем вулкане Арарата?.. Вот мучительный вопрос».

Микаэл Налбандян сознавал, что этот «мучительный вопрос» можно разрешить с помощью освободительного движения русского народа, опутанного, как и армяне, цепями самодержавия. Бичуя царизм, он глубоко верил в историческую роль революционной России в деле освобождения «малых» народов от социального и национального гнёта. «Зарождающаяся в России свобода, — писал публицист, — смело можно назвать свободой для человечества». А потому армянский демократ вошёл как соратник в круг русских братьев по оружию.

Налбандян дважды — в 1861—1862 годах — заезжал в Лондон, установив тесные связи с Герценом, Огарёвым, Бакуниным и другими революционерами-эмигрантами. Как вспоминала Н.А. Тучкова-Огарёва, Налбандян, «обрадованный радушным приёмом Герцена, бывал очень часто» в их доме¹. Через Герцена Налбандян познакомился в Париже с И.С. Тургеневым. В письме к Герцену от 16(28) апреля 1862 года автор «Отцов и детей» делился впечатлениями о своём новом друге: это — «истинно отличный малый, и я его искренне полюбил»².

То, что не удалось Налбандяну сделать в России, где свирепствовала царская цензура,

¹ Н.А. Тучкова-Огарёва, Воспоминания, Гослитиздат, 1959, стр. 189—190.

² И.С. Тургенев, Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 12, Гослитиздат, 1958, стр. 345.

удалось сделать за границей — в Париже он издаёт отдельными книгами свои программные социально-политические произведения: «Две строки» (1861) и «Земледелие как верный путь» (1862), в которых наиболее ярко проявились его революционно-демократические взгляды. «Защищать нещадно попираемые права армянина, — провозглашал он, — вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу. Вот наше кредо, в котором мы видим спасение нашего народа».

Мысли и идеи, изложенные Налбандяном в его главных политических трудах, нашли отклик среди революционно настроенной армянской молодёжи. Пламенные призывы Налбандяна звучали как завещание воина, и армянская молодёжь подхватила их и пронесла как эстафету сквозь огни и бури...

В конце мая 1862 года Микаэл Налбандян, завершив свои дела, возвращается в Петербург и устанавливает контакты с центром тайного революционного общества «Земля и воля». В письме от 24 июня (6 июля) 1862 года Н.А. Серно-Соловьевичу — одному из руководителей общества — Огарёв и Герцен писали о Налбандяне, что он «золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости... Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его»¹.

Но письмо не дошло до адресата: вместе с другими документами из Лондонского центра оно попало в руки царской охраны. Указом от 7 июля 1862 года были арестованы Чернышевский, Серно-Соловьевич, Налбандян и другие и посажены в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Спустя три месяца после ареста Налбандяна вызвали на допрос. Держался он с достоинством, стойко, как подлинный революционер, убеждённый в правоте избранного им пути.

Налбандян просидел в сырой одиночной камере крепости около трёх лет. Подобно Чернышевскому и Писареву, он много читал и писал. Здесь им созданы были такие работы, как «Гегель и его время», «Грамматика новоармянского языка» (от неё до нас дошли лишь фрагменты), большая статья о романе писателя-демократа П. Прошяна «Сос и Вардигер» и другие.

По-прежнему Налбандян увлекался и поэзией. Придавленный «сухой гильотиной», поэт сквозь толщу стен Петропавловки слышал глухие стенания народа — они не давали ему покоя ни днём, ни ночью. В своём «Обращении» к А. Свачяну — редактору константинопольского демократического журнала «Мегу» («Пчела») — он призывает этого стойкого борца за свободу армянского народа продолжать начатое ими общее дело.

В эти годы оттачивается сатирическое перо Налбандяна. Он пишет пародии, в которых высмеивает слащавый патриотизм поэтов-романтиков («Ответ великого Вагана Мамиконяна», «Вспомняем»). Подлинный свободолобец и правдолюб, Налбандян беспощадно срывает маски с армянских фарисеев типа архимандрита Г. Айвазовского — агента III Отделения («Крещение Кндук-Почата»). Свой суд над клерикалами он свершает в сатирической поэме «Приключения праотца», которую обычно сравнивают с пушкинской «Гавриилиадой». Армянский поэт пародировал библейские сказания и мифы, в частности историю «грехопадения» Адама («праотца») и Евы, переводя её в реально-бытовой план и противопоставляя мистике евангельских легенд естественную трактовку «великого греха», а проповеди ханжеского аскетизма христианской морали — воспевание земных радостей, нарочито подчёркнутое чувственное начало в природе человека.

¹ А. И. Герцен, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 27, изд-во АН СССР, 1963, стр. 243.

Обличая армянских церковников-мракобесов, Налбандян, как философ-материалист, ратовал в своих произведениях за подлинную науку и просвещение, что отразилось не только в его публицистике, но и в стихах, посвящённых Маштоцу, Боклю и Руссо.

Налбандян-узник хотел, чтобы его слово было услышано за стенами тюрьмы. В феврале 1864 года он обратился к коменданту крепости с прошением разрешить ему писать для журнала «Юсисапайл». Тот переправил это прошение шефу III Отделения князю Долгорукову, который на рапорте коменданта начертал: «Как поступают с произведениями Чернышевского?» То есть был поставлен вопрос о строжайшей цензурной проверке, которой подвергалось всё, что писал в крепости Чернышевский, особенно после выхода его романа «Что делать?».

Жандармы всячески пытались заглушить голос армянского патриота. В конце 1865 года тяжело больного туберкулёзом Налбандяна сослали под строгий надзор полиции в г. Камышин Саратовской губернии, где он и умер 31 марта (12 апреля) 1866 года. Выполняя последнюю просьбу покойного, родные Налбандяна похоронили его на родине.

Смерть Микаэла Налбандяна отозвалась жгучей скорбью в сердцах всех истинных армянских патриотов. Царские палачи убили поэта-революционера, но они не могли заставить армянский народ забыть своего славного сына. И хотя имя его запрещено было упоминать в печати, писатели находили различные способы, чтобы выразить свою неизменную любовь к нему. Так, в 1878 году бывший активный сотрудник журнала «Юсисапайл» поэт Г. Бархударян опубликовал стихи под названием «Памяти М. Н...а (подражание Некрасову)». И читатели поняли, о ком идёт речь. К двадцатилетию со дня смерти Налбандяна студент Московского университета, будущий классик армянской поэзии И. Иоаннисиан написал стихотворение «Лишь перед собой он увидел свет...». И тоже всем было ясно, кого подразумевал автор, когда говорил о «мученике-герое».

Царское правительство запретило печатать произведения Налбандяна. В конце прошлого века цензура не разрешила ввоз в Россию изданного за границей «Собрания старых и новых армянских национальных песен», куда вошли также «Свобода» и «Песня итальянской девушки» Налбандяна. В Россию не поступило и женевское издание сборника Налбандяна «Песни патриота» (1903). И всё же стихотворения армянского революционера-демократа пробивали себе дорогу к читателям — они тайно переписывались от руки, заучивались наизусть. Впервые произведения Налбандяна были опубликованы полностью лишь в советские годы, когда Армения обрела подлинную свободу, о которой мечтал пламенный поэт-патриот.

Микаэл Налбандян оставил глубокий след в армянской литературе. Всё последующее поколение армянских писателей, поэтов и общественных деятелей училось на его произведениях.

Народный поэт Армении Аветик Исаакян сравнивал Микаэла Налбандяна с пророком, несущим факел в одной руке и меч — в другой. Этот пророк освещает путь к светлому будущему. Таким и останется в памяти поколений светлый образ борца за счастье и свободу армянского народа.

С. Даронян

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Идёшь ты, весна,
Красна и ясна,
А наша страна —
Печальна она!
Зелёные буки
Родимых лесов
И певчие птицы
На сто голосов,
Посланница неба,
Твой славят приход,
О жизни надежда
И верный оплот!

Прильнула к Масису, *
Тиха и легка,
И вьюжные тотчас
Ушли облака.
Гора приоткрыла
Мохнатую грудь,
Долина тафтою
Устлала твой путь,
И в розу влюблённый
Слетел соловей
На склон Арарата
К любимой своей.
Армения долго
Тебя прождала,
Старела, седела
И слёзы лила.
Вершину Масиса
Унылой зимой
Скрывал бессердечный
Покров снеговой.
Седела, тоскуя,
Без пастбищ и роз,
И морем разлился
Поток её слёз.

Масис вековечный,
Окованный льдом,
Проснулся и доли

Украсил кругом.
Но Север не видел
Зиждительных сил,
Которые старец
Вторично явил.
Против него — Запад,
А сам он — Восток,
От Севера с Югом
Он равно далёк.

Учуял приход твой
В Масисе Вулкан,
Вторично за дело
Взялся великан.
Огонь негасимый
Им в душах зажжён,
Железные молнии
Выковал он.
Для старца Масиса
Что значит копье,
И порох, и пушка,
И штык, и ружьё?

Коль радость Масису
Принёс твой приход
И духом упавший
Воспрянул народ,
Вернёшься — гиганта
С собой приведи,
Что наши страданья
Носил бы в груди,
Чтоб слава о нас
По земле пронеслась,
Чтоб всюду с почтеньем
Твердили о нас.
Не вырваны корни,
И живы сыны,
Достойные славы
Армянской страны.

И пусть под Масисом
Армянский народ
По вешнему ветру
Свой стяг разовьёт!
И пусть не вернуться
Зимы холода,
Твоё же пребудет
Тепло навсегда!

Страдальцев-гайканцев *
Ты слово домчи

До неба, чтоб слышал
Гасбар Эскичи. *
Армянскую землю
Он крепко любил,
Он родине много
Пожертвовал сил.
Чтоб, небу угодный,
Он чувствовать мог
Твой воздух, и солнце,
И с гор ветерок.

МУЗЕ МУЗ

О Муза нежная, очнись,
Притронься к семиструнной лире,
Что в Аполлоновых руках
Звучала дивно в древнем мире!

Когда разгневанный творец
Его прогнал, сразив перуном,
С Парнаса ты богов свела
В мир пастухов, к их пляскам юным.

Припомни, звонкая, как ты
Тогда в руках его звенела,
Когда, отчаяньем объят,
Ушёл он в дальние пределы.

Он жаждал смерти, но в тебе
Нашёл печалям утешенье.
Леса, и горы, и зверьё —
Внимало всё в оцепененье.

Когда с Олимпа Арамазд *
Титанов род низверг победно,
С Парнаса зазвенела ты
В ответ их гибели бесследной.

Гомер! Тебя я не забыл:
Не ты ли семиструнным звоном
Героев греческих воспел
Под обречённым Илионом?

Один лишь бедный Арарат
Лишён тебя. Свою обиду
Не затаил он — сколько раз
Он посылал к тебе Ириду! *

Она просила лиру дать,
Весь хоровод ваш зазывала
Затеять пляски на горе,
Где ныне снега покрывало.

Тронь, Муза, лирную струну,
У нас звучавшую когда-то, —
И навсегда благословит
Тебя потомок Арарата.

Пусть потерял он жезл и меч,
Престол, венец и достоянье —
Хотя бы звуки струн твоих
Его утешили страданья!

Иль совесть потеряла ты,
Что, всем на свете слух лаская,
Не замечаешь, как зовёт
Тебя Армения родная?

То правда: родина в былом
Перед тобою согрешила.
Но чем же виноваты мы,
Что нас ты радости лишила?

Своей божественной рукой
Коснись же лиры вдохновенной,
Чтоб мать-Армения могла
Под звуки песни несравненной

Не плакать более о том,
Что было пагубно и дурно,
Стереть из памяти своей
Деянье тёмное Сатурна. *

Дай, Муза, родине сказать:
— Я ныне счастлива, о чада,
Любовью возвращённых муз,
Они — тоски моей отрада!

И Музы прозвучал ответ, —
Весь мир потрясся необъятный,
И Арарат и Арагац *
Родили отгул многократный.

— Напрасно просишь, — говорит, —
Чтоб я жила на Арарате.
Спокон веков его сыны —
Мои враги и злые тати.

Из них любой с ножом в руке
Спешит в неистовом припадке
Обрезать лирную струну.
От них бегу я без оглядки.

Окован льдами Арарат,
Стоит безлесен он и в тучах.

Поразогнало вороньё
Всех соловьёв моих певучих.

Не потеряла совесть я,
Всем равно уделяю долю.
Я исполняю от души
Людей сочувственную волю.

Но Арарат... Пусть вороньём
Чернеют льдов его покровы,
Не соловьи поют на нём,
А днём и ночью воют совы!

Ещё Армения моей
Не стоит лиры в эти лета.
Да и за что её щадить?
Она сама бежит от света!

А вам, к которым я пришла
Сегодня гостьей дорогою,
Скажу: на лире вы моей
Играйте только меж собою!

ПОЭТ

(Подражание)

Пока не повелела Муза,
Чтоб пел покорный ей поэт,
В его руках безмолвна лира,
Ни мощи в нём, ни звуков нет.

Но лишь небесное сиянье
Немое сердце оживит,
Его томят забавы света,
Он миру не принадлежит.

Его перо бумажным полем
Бежит, как трепетная лань, —
Никто поэту не препятствуй
И на пути его не стань.

В его деснице меч разящий,
Из уст он мечет пламена,
Через него глаголет Муза,
И им душа восхищена.

В тот миг он только передатчик
Глаголов Музы. Ради нас
Внимает он парнасской деве
И чистый нам дарит алмаз.

И никакой судья на свете
Так свято, верно и светло,

Как чистая душа поэта,
Не различит добро и зло.

Перед поэтом все едины —
Что венценосец, что бедняк.
Глаголет истину и знает,
Что будет вечно бос и наг.

ДУМЫ

*

О малодушный человек, безвольный раб страстей!
Как лист чинары, ты дрожишь, чуть ветер посильней,
А лишь заблещет поутру луч солнца с высоты, —
Обласкан свежею росой, уже сияешь ты.
Забудет небо о тебе, несчастья в дом войдут —
Ты изменяешься в лице, забыв покой, уют.
А смелому и буйство волн свирепых нипочём, —
Он держит руку на руле, в нём жизнь кипит ключом.
Немало в жизни видел он подобных гроз и бурь, —
Он знает, что за бурей вслед проглянет вновь лазурь.
Ведь лёгкий парус много раз вздувал сердитый шквал —
Светило выйдет из-за туч и озарит причал,
Он, невредимый, доплывёт и бросит якорь свой,
А трус на берегу стоит, качая головой,
Пророча гибель моряку в суровый этот час,
Забыв, что пристань находил он в бурю много раз.
Забыли трусы, что покой за бурей вслед идёт,
Они привыкли век дремать на суше, без забот,
У ног возлюбленной своей, полузакрыв глаза,
Они не знают, как нужна, живительна гроза.
Тот, кто лишь к радостям одним привык, не человек.
Беда, коль грянет гром, — душа погаснет в нём навек,
А кто к опасности привык — тот победит её
И в бурях жизни сохранит достоинство своё.

*

Сижу безмолвен и один. Душа восхищена.
Я вижу солнца яркий свет из моего окна.
Оно зайдёт — и будет ночь, угрюма и сыра.
А я... Кто ведает, дано ль дожить мне до утра?
Быть может, завтрашнему дню не для меня цвести?
Зачем я солнцу не сказал последнего прости?
Ах, смертный, слабый сын земли, в тебе и мысли нет,
Что как другие, так и ты покинешь этот свет!
Смотри, вечерняя заря так чудно хороша,
Лучи играют, и твоя так радостна душа, —

А завтра озарят черты недвижимого лица,
И чистый лён для похорон оденет мертвеца.
И солнце красное, взойдя, могилу озарит,
Всех самых близких, дорогих оно опередит.
Сияет луч, в моих глазах рассеивая тьму,
А завтра, может быть, прильнёт к могильному холму.
О солнце!.. Будет верно мне на свете лишь оно,
Живого или мертвеца приветствуя равно.
О верный, неподдельный друг, живое солнце дня,
Когда засну я вечным сном, не забывай меня!
Моя душа нежнейших чувств по край была полна,
Когда свой взор в немой простор вперял я из окна.
Царица неба между тем, сосредоточив свет,
Из глаз исчезла, в небесах разлился алый цвет.
А я сижу и всё слежу механику миров.
Вот и вечерняя звезда меж лёгких облаков
Мелькнула вдруг, но через миг вновь канула во мрак,
Уже сереброкудрой я не вижу Арусак. *
«Творец природы! — сердце тут воскликнуло моё. —
Что за картину я узрел! Но в чем же смысл её?»
И языком природы он мне тайну разъяснил:
«И жизнь твоя должна протечь по образцу светил!»

*

Весенней розы мне не надо,
Коль нет благоуханья в ней,
И в оперенье соловьином
Едва ль почтенен воробей.

Я молод, но к чему мне юность?
Она была бы хороша,
Когда бы тысячью страданий
Не извелась моя душа.

О, неужели, если б был я
Седоволосым стариком,
Я стал бы рабствовать и таять
Перед ничтожным существом?

Эх, юность! Ежели бы пользу
Из юных дней я извлекал,
Своим бы занимался делом,
Себе дорогу пролагал...

Мои родители с друзьями
Одни, печальные, сидят.
А я? Я с девушкой танцую,
Как я блаженствую, как рад!

Родители, благословляя
Меня в далёком жить краю,

В дорогу сына наставляли,
Боясь за молодость мою:

— Сынок, ты в деле будь настойчив,
Любовной страсти избегай
И наши старческие годы
Пред их закатом утешай!

Ах, юность, буйная ты юность!
Ах, кровь, кипучая ты кровь!
Как скоро долг вы позабыли,
Его припомните ли вновь?!

НА МОГИЛЕ ЧУЖОГО ЧЕЛОВЕКА

Не в силах я переносить, что нами правит страсть,
Что мы, как жалкие рабы, её признали власть.

Святых и благородных чувств давно мы лишены,
Все наши помыслы давно лишь злобою полны.

Но есть у нас одна черта, печальнее других:
Не любим мы своих друзей, не почитаем их.

Пуškai товарищ добрый был, готовый всякий час
Нам посочувствовать во всём, душой болеть за нас,

Пуškai он в злополучный день, когда пришла беда,
Сам со слезами на глазах нас утешал всегда,

А после, в полосы удач, от сердца, больше всех
И радовался, и хвалил счастливый наш успех,

Пуškai, как в зеркале, себя мы узнавали в нём,
И нашу душу повторял он в существе своём,

Пуškai мы горячо клялись о друге не забыть,
Клялись ему по самый гроб душою верным быть, —

А что на деле?.. Час придёт, и верный друг умрёт —
И много-много наша скорбь неделю проживёт!

Лишь только новое лицо мы встретим где-нибудь,
Вот и приятель, и ему открыта наша грудь.

Он парой лицемерных слов нам душу замутит,
Он наши обольстит глаза — и старый друг забыт!

И наш союз, который был навечно заключён,
Оставлен нами же в гробу в минуту похорон.

Лежит наш друг в сырой земле, и нет с ним никого.
Никто его не посетит, не спросит у него,

Не исстрадался ль сердцем он с тех пор, как одинок, —
Живым столь горестной судьбы представить он не мог.

В его могилу солнца свет ни разу не проник...
Едва нарушит тишину совы полночный крик...

На труп несчастного слеза ничья не пролилась,
Его забыли... А друзья танцуют, разрядясь!

Но кто же ночью, трепеща, бежит к могиле той?
Как будто в землю хочет сам зарыться? Кто такой?

Уж не товарищ ли его, припомнив о былом,
К его могиле подошёл слезу пролить о нём?

Не ждите благородных чувств. Для нас не всё ль равно,
Чьё тело — друга иль врага — в земле погребено?

Не знает даже тот пришлец, кто под плитой лежит,
Останками своих костей кто землю утучнит.

О нет, спасает лишь себя таинственный пришлец —
Бедняк бездомный, или вор, иль скрывшийся беглец...

Вот кто могилу посетил, где друг зарыт, — не мы!
А то гиена, гнусный зверь, вдруг выступит из тьмы...

Но легкомыслен человек, умом и слеп и глух:
Как с другом поступаем мы, поступит с нами друг.

Он тоже позабудет нас, не вспомнит, не почтит,
Могильную сухую пыль слезой не оросит.

Пройдут года, пройдут века — и где могилы след?
Лежи в земле и твёрдо знай: друзей у мёртвых нет.

Никто не станет утешать почиющих костей.
Твой дом закрыт, ты скорби друг... Итак, не жди гостей!

Придут с тобою говорить чужие, не друзья,
Как, траурный накинув плащ, пришёл сегодня я.

БЕГУЩЕЙ ВОДЕ

Когда бы стремленье бегущей струи
Умчало с собою и муки мои!
Когда бы все горести, слёзы, хандра
Могли бы растаять, как дым от костра!

Уходит, уносится радости час,
А горе всегда остаётся при нас.
Рассей же печаль мою быстрой волной,
Унылое сердце струями омой!

Глубоко истерзано, изъязвлено,
И кровью и гноем сочится оно.
Очисти его, чистая, словно огнём,
Чтоб не было копоти в сердце моём.

Я был уж младенцем очищен тобой,
В тебя погружённый опрятной рукой, —
Дай духу и телу своей чистоты,
Омой моё сердце — да блещет, как ты!

Струится, прозрачна, святая струя —
Таким же для мира да буду и я!

ИСТИНА

Усвой же, человек, что это значит — мир!
Усвой его высокое понятие!
Не мучайся неведомым. Пойми,
Как тщетны все твои мероприятия!
На шар земной смотри попроще ты,
В его круговороте неизменном.
Средь мировой всеобщей суеты
Ты облик свой увидишь, несомненно!

Ты вечного на свете не ищи.
Известно всем, что нет ни в чём застоя.
И черенка в могилу утащить
Тебе не посчастливится с собою!
Мы венценосцев участь узнаём:
Как ни было б их пиршество обильно,
Они в подземном царствии своём
Владеют только саваном могильным.

Хоть что-нибудь внезапно б встало вдруг!
Хотя одно бы замерло движенье!
Нет! Ничего! В итоге всё вокруг
Покорно лишь закону разложения.
Тот, кто при жизни рублищу был рад
И вечно нищетою обезображен,
Он равен тем, кто вечно был богат,

Беспечен, привередлив, разнаряжен!

Сухой скелет и важного лица,
И нищего — в могиле черви гложут...
Знак равенства над прахом мертвеца
Ничто на свете изменить не может.

Да, кто-нибудь хотел бы отвести
Ту истину, открытую всем сразу,
Что не задержат к смерти на пути
Имущего короны и алмазы...

Смерть встретит всех равно в конце концов;
Ей всё равно, кем эти люди были —
Вельможи ли из царственных дворцов
Иль мужики, что в землю пот свой лили.
Всё это странно, если смерть одна,
А все её по-разному встречают!
Кому она постыла и страшна,
А кто дожидаться милую не чаёт...

Да, смерть одна, но на неё смотреть
Недаром одинаково не могут:
У одного рубашки нет надеть,
А у других рубашек слишком много!
На этом свете чем держать того,
Бездомного, что бродит вечно нищим?
Он не имеет в жизни ничего:
Ни отдыха, ни крова и ни пищи.

А если горечь — жизнь для бедняка
И белый свет ему — немилость божья,
Он смерти ждёт! Одна её рука
От бед мирских уйти ему поможет.
При жизни счастья он не испытал,
Вокруг него с рожденья грустны лица...
Он мучиться б, отживши, перестал
И ждёт, что неизбежное — случится!

Ему мечтать приятней — без забот
Уснуть в земле, глубоко, вечно. Ясно —
Он смерть как избавительницу ждёт!
Она ему и кажется прекрасной!
Его семье (пока он с нею был,
Она, как он, защиты не имела) —
Надеяться на милости судьбы!
Надеждой жить — ей как бы смерть велела!

В краю чужом изгнанника равно
Встречает смерть, как сына или друга,
Которого не видела давно!
Недаром тот спешит к ней без испуга.

У бедняка в предчувствии конца
Пульс не стучит от страха. Он спокоен.
Недаром смерть чертам его лица
И придаёт сияние такое!

Но кто привык себе одежду шить
Из бархата и шёлка, не иначе,
Кто лучших вин желает для души
И лучших блюд, холодных и горячих,
Кто вечно слуг себе на помощь ждёт,
Привык приказывать, — он по таким причинам
Боится смерти, и её приход —
Воистину ужасная кончина!

Богач весь век при жизни был спасён
От трудностей, от горя и печали...
И потому вся жизнь его, как сон,
И годы, как мгновенья, миновали...
От сонма прихлебателей и слуг
Одно его воспринимало ухо —
Хоть лицемерную, а всё-таки хвалу,
И лесть, всегда приятную для слуха.

Богач не хочет слышать никогда
И ни за что на свете не поверит,
Что в мир наш есть две двери: вход сюда
И, к сожаленью, — выходные двери.
Про смерть богач не хочет просто знать,
Чтобы покой при жизни не нарушить...
Не знать о той, что призвана принять
От нас, живых, живые наши души.

Как ты ни льсти — природе взять своё,
Твоё не выгорит! Мы все земной породы.
Богач в агонии все силы отдаёт,
Борясь с уставом жизни и природы.
В постели он страдает за троих
От безнадёжности... Печальная работа!
Он тратит силы бранные свои
В борьбе никчёмной, обливаясь потом...

Взгляд мутно соловееет у него —
Он помнит дом свой, пиршества и яства,
И чувства каменеют от того,
Что он утратит все свои богатства...
Доходит до него: он всё оставит тут,
Ни черенка не унесёт с собою,
Он должен погрузиться в темноту
И в землю лечь, под крышкой гробовую...

Как только смерти наступает миг,
Овладевает горечь им такая,

Что он кричит, чуть скрипнет смерть дверьми,
На всё готов, её не подпуская...
Но только — нет! Она не ждёт, не спит.
Иди за ней! Напрасны все старанья!
И в трауре семья его вопит,
Предвидя все расходы расставанья.

Хотел бы он все силы применить,
Чтоб жизнь продлить хотя бы на мгновенье!..
Сжал челюсти, но замкнуты они —
Скрежещут зубы в смертном напряженье...
Он безумеет от утраты сил,
А смерть своё заканчивает дело...
С гримасой муки рот его застыл,
Тупой испуг в глазах олубенелых...

Хвали того владыку, жизнь моя,
Который разрешил тебя от страха,
Что сам богач и вся его семья
Испытывают, словно перед плахой.
Тебе всегда, должно быть, всё равно,
И будет так, как это раньше было, —
Под солнцем жить иль спать спокойным сном,
Не думая, что бросишь за могилой.

НАДЕЖДА

Сколько дней, сколько лет
Не осмыслить никак...
А трудней её нет,
Чем судьба бедняка.
Только вдруг бедняку
Голос начал вещать,
Надо быть начеку,
Чтоб опасность встречать...
Стал тот голос звенеть:
«Верь, наступит твой час,
И не будет болеть
То, что больно сейчас...»

Золотые слова!..
Бог твердит нам о том,
Что надежда жива
И в Писанье святом...
Что ж надеждой считать?
Ей дано ль, хоть на миг,
Счастье вдруг наверстать
Иль то сказки из книг?

И несчастный живёт,
Никого не кляня,

Всё под игом забот
Наступившего дня...
Раз он ночью встаёт,
Слышит стук: — Отвори!.. —
И пред ним предстаёт
Незнакомый старик...
И померк белый свет
Вдруг в глазах бедняка:
Старец в саван одет
И с косою в руках.
Череп гол, как луна,
Зубы — зубья пилы,
И костей желтизна
Выступает из мглы.

Безобразный скелет
В дверь теснится плечом
И вручает пакет
Бедняку с сургучом...
Тот, дрожа и крестясь,
Открывает конверт:
Там «надежда» — пять раз,
Вместо подписи — «смерть»...

Вот он, замкнутый круг!
Что ж ты, голос, солгал?
Ты картины мне, друг,
Хорошо рисовал!
Мол, надежд — не гони!
И надежд этих свет
Сам себе сохранил
Я до старости лет!

Но торопит мертвец...
Он ведь ждать не привык...
Сына мне под конец
Не увидеть — увы!..
Близок приговор! Жди!
Исполнитель мой — строг.
Знай в могилу иди!
Вот надежды итог!

ЖИЗНЬ

Жизнь хороша, я в том клянусь!
Но люди виноваты сами —
Знать не хотят её, живут
С кровоточащими сердцами.

С других я не беру пример:
Я жизнь — и только — обожаю,
Свободен духом, ем за двух,
Заботы и трудов не знаю.

Век за обеденным столом
Сижу я с Вакхом, славным малым,
И сок бессмертья пьяный бог
Сам разливает но бокалам.

Когда, на бочку взгромоздись,
Нектар он льёт мне из бутылки,
От головы до самых пят
Так и дрожат мои поджилки.

Усердно правим — Вакх и я —
Свой пир, по-нашему невинный.
Окружность брюха моего
Он измеряет бочкой винной.

Я ль не обжора? Да за мной
Угнаться ль Фулю иль Шараю? *
Коль в день не выпью двух тункй, *
Клянусь, я от стыда сгораю.

Нет, благороднейшая жизнь, —
Друг от тебя не отречётся.
А ведь иные отреклись...
Именоваться им не придётся,

Но чтобы в этих господах
Ты мог хоть малость разобраться
(Пусть это и не к месту здесь),
О них упомяну я вкратце.

Один из тех, что отреклись,
Глазами мой живот измеря,
Спросил ехидно: — Человек
Чем отличается от зверя?

Но я, желая наперёд
Проверить ум его, заметил:
— А как ты полагаешь сам?
И он примерно так ответил:

— У человека есть расчёт,
Он думает, о правде тужит,
Боишься нехороших дел,
Добру и ближнему он служит...

И насмеялся ж я над ним!
От смеха всё нутро распёрло,
И вот какую речь излил
Кувшин мой винный, сиречь горло:

— От зверя тем отличен я,
Что руки вместо лап имею.
Да, да! А ум, и мысль, и речь...
— Да брось ты эту ахинею!

Всегда подобные слова
Господ аскетов раздражали.
Он отошёл. А Вахх и я
Свой пир спокойно продолжали.

Вдруг, вижу я, стоит Астхик
С сынишкой и глядит так мило!
Тут сила новая из недр
Под самый пуп мне подкатила.

Все жилы в теле напряглись,
Перевести не мог я духа.
Вахх в это время измерял
Моё раздувшееся брюхо.

Не только брюхо, — мало ль что
Раздуться может в брэнном теле!
Тут встали мы из-за стола
И оба двинулись к постели...

АРБАТ

Возрадуйся, ликуй, Арбат, весельем осиян!
К тебе, покинув свой Арцах, * приехал Гаспарян!
Отныне околודок твой не будет грусти знать:
Его изволил Гаспарян для жительства избрать.
Пусть не из лучших улиц ты, не вступишь с ними в спор,
Зато ты можешь говорить — хоть и с недавних пор, —
Что в лоне у тебя цветёт студент и патриот,
Который каждый божий день свой радует народ.
А посему ликуй, Арбат, пускайся в пляс и пой!
Я звёздам повелю — и ты забудешь мрак ночной.
Я чёрной туче прикажу, чтоб молния и гром
Не смели досаждать тебе, забывшемуся сном.
Зефиру кроткому скажу, чтоб с каждою зарёй
Тебя он ласково кропил прохладною росой.
Ликуй, Арбат! Хозяин твой отныне — Гаспарян.

Луна, теперь сияй всюю! Сгинь, сумрак и туман!
Я из Эллады на Арбат переведу Парнас,
И будет Муз певучий сонм отныне жить у вас.
Возрадуйся, ликуй, Арбат, весельем осиян!
К тебе, покинув свой Арцах, приехал Гаспарян!

МНЕНИЕ ГЛУПЦОВ ОБ УЧЕНИИ

Зачем ты мучишься, дитя,
Зачем обрѣк себя на муки,
Всю жизнь ученью посвятив, —
Пустой и глупой этой штуке?
Зачем читать тебе, писать,
Коль грамотеям грош цена?
Вокруг — дела, а ты корпишь
Над грудой книг, не зная сна.
Что пользы думать о вещах,
До коих не достать руками,
И нас — приятелей — честить
Профанами и дураками?
Живи, как я, хоть обо мне
«Он просто неуч» говорят;
В моём кармане золотой
Выводит тысячу цыплят.
Какой учёный в наши дни
Благоговеет перед богом,
Смиренно ходит в божий храм,
Постится искренне и строго?
Каноны церкви коль тебе
Уже не нравятся, то скоро
Ты протестантом прослывѣшь
И удостоишься позора.
Ни отпущения грехов
Тебе не знать тогда, несчастный,
Ни разговенья, ни поста,
Ни светлых слѣз — молитв всечасных.
Поверь, покуда у тебя
Телец в кармане золотой,
Сам философии магистр
Ничто в сравнении с тобой.
Есть деньги — всё приобретѣшь,
Любое дело сладишь вмиг...
О нет, желудка своего
Ты не насытишь чтеньем книг!
Учёный нынешний спесив.
Агѣ * не кланяется он,
Не уважает он вельмож —
В свободу, видишь ли, влюблѣн!

А я — таков я отродясь —
Не почитать их не могу, —
Вельмож, встречающихся мне,
Любого нашего агу.
Мы любим деньги — сиречь жить,
Есть, наслаждаться, пить вино.
Не худо было б и тебе
Весь век веселье знать одно.
Житейский опыт, грамотей,
Нам заменяет знаний тьмы,
Когда в душе и на устах
Несём Евангелие мы.

ШЕСТАЯ ЗАПОВЕДЬ — НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ

У европейцев, как известно,
Спокон веков существовал
Обычай — женщине мужчина
При встрече руку целовал.
Хоть это признаком обычной
Благопристойности лишь было,
Но папа Пий Шестой изволил
Издать внушительную буллу.

«Отныне, — в булле говорилось, —
Чтобы никто не смел устами
Прикладываться, как доселе,
К руке девицы или дамы.
Да будет ведомо, что даже
Смотреть на девушек и дам
Противно божеским законам
И не приличествует нам».

И Пий наказывал, публично
Хулил (чем многих обесславил)
Всех смертных, с буллой не согласных,
Не забывавших старых правил.
Так, например, невинной жертвой
Пал секретарь его учёный,
Большим собранием святейших
В грехопадение уличённый.

Сей секретарь был умным мужем.
Он знал, что Пий не лучше многих;
Пий не замедлит, встретив даму,
Поцеловать ей даже ноги;
И молвил так: «Я опозорен,
Но отомщу ему за это:
Не папой — грешником во плоти
Он перед всем предстанет светом.

И вот... немецкой королеве
(Бедняжка, верно, уж в аду)
Зачем-то вздумалось однажды
Явиться к папе. «Он в саду», —
Сказали слуги, удивившись
Визиту гостьи незнакомой...
И королева торопливо
Спустилась в сад, что рос у дома.

Как только папа тот увидел
Нежданной гостьи дивный лик,
В его крови (о, где ты, святость!)
Какой-то пламень вдруг возник.
И хоть, всегда непогрешимый,
Он был наместником Христа,
Рука прелестной королевы,
Увы, прожгла ему уста.

Потом, когда он эту руку
Стал целовать не в меру жарко,
Наш секретарь, что был надёжно
Укрыт листвою густого парка,
Воскликнул: «А, дружок, попался!» —
Взял уголёк и мести ради:
«Шестая — не прелюбодействуй!» —
Злорадно вывел на ограде.

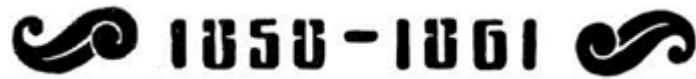
Пий утрашился — муж учёный
Его лишит земного рая...
И вскоре буллу уничтожил.
Тот потому изрёк — шестая,
Что папа был шестым по счёту,
И потому, что, как назло,
Согласно церкви, эта цифра
Есть сокровенное число.

МИНУВШИЕ ДНИ

Минувших годов,
Минувших часов
Ты образ живой
Во мне пробудил.
Да только не все
Отрадны они —
Припомнились мне
Печальные дни.

Дни жизни моей
Мелькнули, ушли,
Как вихорь в степи,
Взвились-унеслись.
А я постарел.
Заметно уже
Блестит в волосах
Седин серебро.

Прошла моя жизнь,
И попусту я
Растратил её.
В своей простоте
Я мир представлял
Подобным себе.
Эх, камнем бы в вас,
Сыны сатаны!

РОДИНА АРМЯНИНА

Где, армянин, ответствуй мне,
Твоя отчизна в эти дни?
Коль знаешь родичей своих,
То Расскажи мне — кто они?

Где, армянин, твой дом родной?
Добра ты много ли припас?
В чём гордость высшая твоя?
К чему стремишься ты сейчас?

— Глупец, ты о какой такой
Отчизне начал разговор?
Где родился я, хочешь знать?
В Тифлисе жил я до сих пор.

Есть у меня и дом родной,
В два этажа, из камня он.
Да-с, братец мой, не дом — дворец:
Гостей, прислуги — легион!

Ну, есть и родичи — сынки,
Дочурки... Право, их не счесть...
Да зять, он князь, и тьма друзей
Из богатеев наших есть.

И о добре сказать? Глупец,
Своим похвастаться бы мне!
До яств, что ем я, сам Лукулл
Не дорывался и во сне.

Ты дуешь воду, хоть не скуп,
Я пью мадеру или грог.
Я, брат, имею экипаж,
А у тебя лишь пара ног.

В чём вижу гордость? В жемчугах.
В мошне да в золоте она.
Коль мало этого тебе,
Взгляни на эти ордена.

И, наконец, мой идеал,
Поверь, — желудок мой. Да, да!
Богатство, золото — вот цель,
Которой верен я всегда.

Любите родину свою —
Твердите, веря в глас молвы:
Того же, как её любить,
Отнюдь не ведаете вы.

Я тоже, братец мой, люблю
Отчизну эту всей душой.
Не унижать — хвалить её
Готов пред нацией чужой.

Коль нищий явится ко мне,
Я ль милостыни не подам?
Ты спросишь — сколько? Виноват,
Но щедрость свойственна и нам.

На нашу нацию, глупцы,
Клевещете вы круглый год.
Из-за тебя вот, из-за вас
Ей столько выпало невзгод.

Ты полагаешь, может быть,
Что, так отечество любя,
Какой-то подвиг ты свершишь?
О, пустослов, мне жаль тебя.

Твоя учёность не для нас,
Желудку, видишь ли, не впрок.
Богатство нужно мне, мудрец,
Чтоб на заливке был жирок.

Кто из учёных был святым?
Никто ведь не был, на беду.
А я, обряды все блюдя,
Уж в рай-то, верно, попаду.

Ну, как, Армения, твоей
Не позавидовать судьбе —
Чревоугодники твои
Несут бессмертие тебе!

ЛУНА

О луна, о луна, за веками века
Ты сияешь на небе, полна и ярка, —
Но не чаще ль встречает твой ласковый свет
Не веселье на лицах, но горести след?

Без печали тебя ожидает лишь тот,
Кто ударов судьбы не знавал и не ждёт,
Кто доволен закатом счастливого дня
И с молитвой вечерней спокойно уснёт.
Но лишь только взойдёшь и доколь не зайдёшь,
Зачарованным взором прикован к тебе,
Кто не в силах своих перечислить утрат,
Кто стонет всечасно о горькой судьбе.

Золотая луна, золотая луна,
Ты не только свидетель заплаканных глаз:
Часто-часто из тёмной своей высоты
Зришь ты ужас безмолвный в полуночный час.
Под лучами твоими нередко сверкал
Окровавленный меч. О, когда бы в тот миг
Ты могла помрачиться, сокрыться во тьму
И внезапно явить свой изменчивый лик

Напитавшимся кровью, в лазури ночной
Показаться убийце, чей трепетный взор
Грозный понял бы знак, чтоб злодей, трепеща,
Убедился, что есть его тёмным делам
Неподкупный свидетель в небесной выси,
Что суровый глядит обвинитель, судья, —
И его не избегнешь... Но это лишь сон...

И, быть может, сейчас, в эту самую ночь,
Неповинная вновь проливается кровь,
Ты же блещешь, луна, как всегда, холодна,
Освещаешь и кровь, освещаешь и меч,
И тому, кто убил, и тому, кто убит,
Свет твой ласковый равную долю дарит.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Один британец, при больших деньгах,
Когда-то жил в Неаполе, у моря,
Спокойно жил: нигде и никому
Не причинил он никакого горя.

Вот как-то раз вечернею порой
По улице он шёл пустой и тёмной
И встретил вдруг знакомое лицо:
Знакомец тот убийца был наёмный.

Британец же не знал, каков злодей, —
Тот порученья исполнял умело,
И знатный иностранец много раз
Вверял ему то иль иное дело.

Тот заработал за год хорошо.
Его в деньгах британец не обидел
И, повстречав на этот раз слугу,
Опасности нимало не предвидел.

Но вдруг слуга воскликнул: — Мой синьор!
Послушайте... но только тсс!.. ни звука!
Не то — вот нож... Заданье мне дано
Вас, сэр, прикончить — вот какая штука.

Я мог бы хоть сейчас... но кое-что
Мешает мне: во-первых, больше года
Мы с вами были в дружбе; во-вторых,
От вас имел немало я дохода.

Я не забыл, как под исход зимы
Вы милость мне большую оказали
Поверили и дали мне займы.
Без вас из бед я вылез бы едва ли,

И кончилось бы дело всё тюрьмой
Иль виселицей. Да к чему о вздоре
Нам вспоминать? Что было, то прошло...
Но нынче — воскресенье, вот в чём горе!

Мне патер Вольпи строго наказал
Людей не убивать по воскресеньям.
Но я за вас авансом получил...
Послушайте ж, с каким я предложеньем...

Иной, пожалуй, вырвал бы мой нож
Да и в меня... но я спокоен с вами:
Не станете губить своей души —
Вы помните, что были мы друзьями.

Итак, не разоряйте бедняка —
Зарежьтесь сами! Друг мой, согласитесь!
Ведь что за нож! Как бритва!.. По рукам?
Ну — сразу и живёхонько!.. Молитесь!

— Возможно ль?

— Знаю сам, что грех...

Но вы же еретик — еретику всё смех,
Не признаёте ни Христа, ни папы.
Ну, сами ль вы помрёте в добрый час,
Или другой прирежет вас, —
Одна дорога, к чёрту в лапы!
Решайте же! Я не шучу.

— Нет, не хочу.

— Синьор, синьор...

Я думал, вы — британец, как и все,
Что горды вы и волею не слабы,
Что предложенье примете моё
Из самолюбья вашего хотя бы.
С какой же стати распускают слух,
Что англичане, попросту от скуки,
Готовы, не дрожа, покинуть свет
И на себя накладывают руки?

А вы?

— Я не боюсь, но эти слухи ложь.

Умру, не выказав испуга,
Но сам себе не стану зла чинить.
Итак, режь друга!

— Бесстыдник! Приказал святой отец
Не резать в праздник божиих овец.

— Так я пойду.

— Но всё ж не обессудьте...

До завтра, друг. Пока здоровы будьте!

Вы у меня отныне на уме...

А поступили вы неблагородно,
И если вас я встречу в будний день,
Что с вами будет, знаю превосходно.

СВОБОДА

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И брэнному созданью дал
Дар кратковременного века, —
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простёр
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Сплённат, связан в колыбели,
И заливался, и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук
Ребёнку малому в угоду, —
Наверное, тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий
И радовались все кругом
Живому лепету ребёнка,
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа.
Нет, детские мои уста
Произнесли: «Свобода!»

«Свобода? — эхом прозвучав,
Судьба сурово спросила. —
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжёк будет путь
Отдавшего себя народу.
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу».

«Свобода!» — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, звать
И повторять: «Свобода!»

ДНИ ДЕТСТВА

Дни детства, невозвратные, как сон,
Прошли, ушли беспечной чередой.
О лёгкие, о радостные дни,
Промчавшиеся вешнею водой!

Младенческую простоту сменив,
Явилось знанье, стал суровой нрав,
Я размышлением наполнил дни,
Минуты не оставив для забав.

А вслед за тем сознание пришло:
Судьбой народа грудь отягчена!
Тогда мне лиру подал Аполлон,
Чтоб исцелила эту боль она.

Увы! И лира в дрогнувших руках
Запела грустно, жалобно звеня,
О том, чем чувства полнились мои,
И звук её не радовал меня.

И понял я тогда, что эта боль
Дотоле в бедном сердце не пройдёт,
Доколе, сир, безмолвен, угнетён,
В позорном рабстве будет жить народ.

Зачем так скоро, детство, ты прошло?
Умчалось, упорхнуло без следа.
В ту пору я таким свободным был,
Владыкой мира мнил себя тогда.

Давящих я не ощущал цепей,
Не чувствовал насилья злых когтей.
Лишь после на меня они легли,
И проклял я дни зрелости своей!

Молчи же, лира, больше не звени,
Возьми её обратно, Аполлон,
Отдай тому, кто может жить незряч,
Любовью милой навсегда пленён.

А я пойду на площадь, на простор,
Без лиры, без нарядных, пышных слов.
Мне должно бушевать, негодовать,
К сраженью с тьмой я должен быть готов.

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага!
Вот жизни смысл, вот боевая речь!

Пускай Дельфийский прорицатель лжёт, *
Беснуясь на треножнике своём,
Пытаясь тщетно обмануть народ
И темной мысли покорить старьём.

Пусть проповедует близ волн морских,
Пусть тешится парадом лживых фраз,
К свободе призываем мы людей,
Лишь это слово на устах у нас.

А ты, творец, в далёких небесах
Скажи: «Народ мой будет пощаждён!»
Не дай ему погибнуть от врага,
Оракулу не внемлет больше он!

АПОЛЛОНУ

Зачем ты дал мне, Аполлон,
Терзающую душу лиру?
Я недоволен, я смущён,
Я слышу горький ропот мира.

Её ты в наказание дал,
Иль чтоб утешить скорбь глухую,
Иль чтоб сильнее я страдал
И чувства расточал впустую?

Возьми же лиру. Может быть,
Она нужней другим поэтам.
Ужели мог ты позабыть:
Однажды я просил об этом. *

Приму я с твёрдостью в душе
Всё мне суждённое судьбою:
И желчь и яд в её ковше,
Мне поднесённом злой рукою.

Но никогда у ног твоих
Не стану ползать я бесплодно,
Как те, чей разум не постиг,
Что люди на земле — свободны!

ПЕСНЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

«Растоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлёт родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.

Бездольная! Немало лет
В оковах, как в темнице,
Но волей смелых сыновей
Она освободится.

Вот это знамя, милый брат,
Сама я вышивала,
Над ним я ночи не спала,
Слезами омывала.

На нём три цвета — посмотри, —
Цвета отчизны нашей,
Чтоб согнуть Австрии навек,
Пусть блещет знамя краше!

Чем может женщина в боях
Помочь своим любимым?
Тебе я отдаю свой труд,
Он был неутомимым.

Скорее на коня, храбрец,
Держи высоко знамя!
На помощь родине своей
Иди вперёд с друзьями!

Смерть всё равно нам суждена,
Изменим ли природу?..
Блажен, кто пал за свой народ,
За родины свободу.

Любовь народа верный щит,
Спеши, господь с тобою.
Везде тебе я буду, брат,
Сопутствовать душою.

Борись отважно, чтоб врагу
Твоей спины не видеть,
Чтоб итальянца словом «трус»
Никто не мог обидеть».

И протянула брату стяг
Заветный итальянка:
В три цвета вышила его
Искусная смуглянка.

И поклонился брат сестре
За доблестное слово.
Взял саблю, верное ружьё
И сел на вороного.

«Спасибо, — молвил он, — прощай,
Любимая сестрица,
Верь, будет знаменем твоим
Вся армия гордиться.

А если я паду, не плачь
Над тихой могилой —
В загробный мир со мной пойдёт
Враг — не один — постылый!»

Навстречу австриякам брат
Помчался в непогоду —
Ценою крови купит он
Италии свободу.

О, как болит моя душа,
Когда я вижу ныне
Такую жаркую любовь
К родной земле в кручине.

Хоть вполонину б так любил
Народ мой унижённый!
Но где же, Егише, тобой
Прославленные жёны?! *

Рыдания теснят мне грудь,
Невмочь писать мне далее,
Раз итальянки таковы —
Ты не жалка, Италия!

ОШАКАН

Мой Ошакан!
Армян прославленных могила!
В разрушившемся храме здесь
Земля Месропа схоронила.

Он дал народу письменна,
Жизнь языку он обеспечил, —
Народ же бедный гроб его
Ни буквой не увековечил!

Здесь, под Христовым алтарём,
Среди руин, в невзрачном месте
Отец великий погребён...
Ты, Ошакан, достоин чести!

Да, мой народ, любимый им,
Я осуждаю, без поклёпа,
Что трудолюбца своего
Он позабыл — отца Месропа.

Иль в подземелье, под алтарь,
Свечи затеплив бедный пламень,
Должны мы лезть в кромешной тьме
Искать сей досточтимый камень?

Месроп, прости же и меня:
Твои равно виновны дети,
Неблагодарностью грешны, —
И я, Месроп, за всех в ответе.

Мой Ошакан!
Армян прославленных могила!
С горы сошёл я, как Ваган, *
Страны армянской честь и сила.

На церковь, строенную им,
Тогда Ваган оборотился,
И пышный он увидел храм
И на него перекрестился.

Что на скале увидел я?
Полуразрушенное зданье
И скошенный железный крест,
Его убогое венчанье.

Дыра под храмовой стеной,
Покрытой пылью вековою, —
Едва возможно в ту дыру
По одному вползти змеёю.

Проникнув, ощупью найдёшь
Край камня в темноте глубокой,
Но надписи надгробной нет...
Чей это камень одинокий?

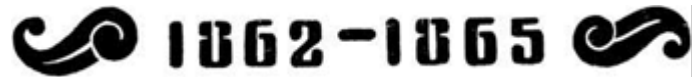
И тут убогий сельский поп
Тебе расскажет простовато,
Что сам Ваган Мамиконян
Под камнем сим зарыт когда-то.

Он даровал народу жизнь,
Он был для родины защитой, —
Народ же не почтил ничем
Его могилы знаменитой!

Мой Ошакан!
Армян прославленных могила!
Ропщи до неба! Возмутись!
Неблагодарность так постыла!

Гремя, с твоих высоких скал,
С их недоступного отвеса,
Бежит серебряный Касах
К посадку ближнему Вардгеса. *

Реке священной поручи,
Которой ведомы улики,
Доправить жалобу твою
К эчмиадзинскому владыке. *

ОБРАЩЕНИЕ

*Мечухеча * из Константинополя
посвящаю*

Ты, ветром окрылённый, летишь, Мечухеча́,
По морю и по суше коня тревоги мча.
Уничтожаешь время, стираешь расстоянья,
Пред быстротой твоею что молнии сверканье?!
Тавр и Масис ты видел, Босфор и Ахтамар —
Повсюду горе, слёзы, рыдают млад и стар.
Кто поспешил услышать стенания народа,
Кто был с народом вместе в года его невзгоды?
Кто слёзы угнетённым отёр, кто за народ
Вступался, чтобы не был хлеб отнят у сирот?
Спал ами́ра, * другие несли покорно бремя,
Лишь ты один на помощь к нам бросился в то время.
И полюбил всем сердцем тебя мой Айастан,
Плетёт венок лавровый тебе земля армян.
Прими же благосклонно написанное мною,
Народ наш благородный доскажет остальное.

ОТВЕТ ВЕЛИКОГО ВАГАНА МАМИКОНЯНА

Мы вновь — говорим? Говорим и теперь,
Когда единенья меж братьями нет,
И каждый на каждого смотрит, как зверь,
Когда попираем мы предков завет,
Когда раздружились с народом своим?
Мы вновь говорим?

Мы вновь говорим? Но не с тысячью ль пал
Вардан * наш из тысяч шестидесяти,
А персов остался лишь полк и бежал
От наших, от тысяч шестидесяти?
Мы стали небрежны, добра не храним,
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А не видите: брат
Кровь братскую пьёт, хуже пришлого свой,
Вновь идолов чествуют Двин, Арташат *
И дымом задёрнулся крест храмовой?
Когда мы себе же худое творим,
Мы вновь говорим?

Мы вновь говорим? А пойдя на майдан:
Там перс не смеётся ль над сыном армян, —
Мол, худший на свете сирийский народ,
Но хуже народ, мол, на свете живёт:
Армяне! И мы от стыда не сгорим!
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А на родине власть
У гнусных ласкателей в грязных руках?
Сидит раболепник на шее у нас,
Что мы перед сильным? Ничтожество, прах!
Лижи ему ногу, склоняйся пред ним...
Мы вновь — говорим?

Мы вновь говорим? А презренный пришлец,
Сынам Просветителя * крылья связав,
Сам пастырей ставит для наших овец,
Как хочет его зложелательный нрав,
И мы «Многи лета арийцу!» кричим... *
Мы вновь говорим?

Мы вновь говорим? Подойдя, поклонясь,
Любому ничтожеству руку мы жмём, —
Собакам дворовым! Они же при нас
Не смеют явиться с открытым лицом,
Под масками прячутся... Мы же их чтим!
Мы вновь — говорим!

Иль совести нашей святая вода
На лбу не оставила капли стыда?
Нет! Пропадом мы не хотим пропадать!
Пора нам мечи вражьей кровью обдать!
Народ свой и веру спасём! Победим!
И — заговорим!

ВСПОМЯНЕМ

О Гайк и Тигран!.. * Их пора вспомнить.
Стряхнёмте же, братья, с них пыль старины, —
И, может быть, новый увидим мы путь
Армении, их овдовевшей жены.

Живи вековечно и здравствуй, вдова!
Пусть в сердце потомков, в его глубине,
Не ищет опоры твоя голова:
Они — как чужие в родимой стране.

Но кто же нам, братья, положит запрет?
Лишь волю собрать и не вдатся в обман!
Ведь явная явь, а не сон и не бред
Жестокое иго над выей армян.

Лишь сами поможем себе, не чужак.
Вся наша надежда — сплочённый народ:
Пусть об руку станут богач и бедняк — *
Тогда лишь Армения жизнь обретёт.

Живи же, Армения, духом своим!
Хоть ныне и дело и слово не те,
Хоть ныне ты призраком стала пустым,
Реченьем без смысла на древней плите.

Иной на словах и не прочь от борьбы,
Глядишь, восхваляют свободу... К чему?
Они не присяжные ль слуги, рабы,
Готовые век покоряться ярму?

«Он едет в Армению... цепи порвёт...»
В Армению! Вот не хватало греха,
Чтоб он за армянский вступился народ!
А после чего ожидать? Ха-ха-ха!

«О мать, я приехал, — он скажет в слезах, —
Открой своё лоно несчастному, джан!
Целую, припав, непорочный твой прах...»
А после? Собачий пойдёт шаракан! *

От Юга и Севера пыль поднялась.
Оружие лязгает. Ночь настаёт.
Казак показался, мелькает сарбаз... *
И в норку запрятался наш патриот!

«Армения... — шепчет. — Гм! Мненье моё:
Как шло у нас дело, так пусть и идёт...»
«Да где же твой заступ? Да где же ружьё?
Ты пасынков гонишь иль свой же народ?»

«Да всех я врагов на словах сокрушу! —
Месроп, да прославится память твоя! —
Я издали так же и землю пашу...
Такие в руке не сжимают ружья».

Нет, Гайка с Тиграном пора вспомнать,
Их имя святое прославить опять.
Быть может, и выйдет на правильный путь
Армения — вдовая, скорбная мать!

КРЕЩЕНИЕ КНДУК-ПОЧАТА

Гляди: Кндук-Почат * идёт...
Эй, паренёк, давай дорогу!
Кого-то за собой ведёт:
Сам Санчо Панса с ним, ей-богу!

— Что там, почтенный Карапет?
Иль люди потеряли разум?
Войной идут на нас? Ну нет!
Бунтовщиков смирю я разом.
Два слова лишь — и в адский мрак
Препровожу неверных братий,
Всех уничтожу, как собак,
Испепелю огнём проклятий!

— Отец духовный! Пощади!
О, не карай их слишком строго.
Мирское средство ты найди,
Подумай, поищи немного...
Бумагу... или письмецо...
Лжи подмешай... * Вреда немало,
А пользы много налицо...

— В бочонок смоляной на дно
Вали, тащи Кндук-Почата!
Крестить его! Да заодно
И Санчо — ради духа свята... —
Смеясь, так крикнул паренёк;
У Санчо ёкнула печёнка.
А тут ещё боднул бычок...
Бух! И они на дне бочонка.

В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ПАМЯТИ СВЯТОГО МЕСРОПА

Пастух нам древле дал закон,
Но письмена куда древнее.
Месроп, нам давший письмена,
Не стоит разве Моисея?

И он пасёт своих овец,
Он всех армян пастух прилежный.
Как у Готора, у жреца,
Его все овцы белоснежны.

При нём великий был Саак. *
Привязаны один к другому,
Они зажгли над миром свет.
О смерть, не подходи к святому!

Эчмиадзин и Ошакан
Сегодня озарились оба.
Не вправду ль то Месропа свет,
Вновь воссиявший нам из гроба?

Превыше звёзд он начертал
Месропа имя огневое,
И пусть пройдут века веков —
Оно лишь ярче будет вдвое.

А вы, начётчики, * гнильё,
Отступнический род Васака, *
Ведёте свой сектантский счёт,
Но в нём фальшивите, однако!

Мхитару * — говорят — Месроп
Обязан будто бы всецело:
Асекаци, мол, начинал,
Сивасец же закончил дело.

Но ты на хари их взгляни!
Бахвалятся!.. Но как ничтожны!
Кто вам, проклятым, право дал
Распространять свой счёт подложный?

Быть может, думаете вы,
Что вэнцы * — это вся Европа,
Весь мир? Да жару вам задаст
И кошка дохлая Месропа!

Как мыши, разбежитесь вы,
Дрожа, по дырам Ватикана.
Эй, на колени все! Святись,
Месроп, подвижник Ошакана!

ПРИМЕЧАНИЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга — первый сборник стихотворений на русском языке выдающегося армянского революционера-демократа Микаэла Налбандяна. В основу его положен состав первого тома Полного собрания сочинений М. Налбандяна (издано АН Армянской ССР, Ереван, 1945).

Большинство стихов на русском языке публикуется впервые.

1851—1855

Здесь представлены ранние стихотворения М. Налбандяна. При жизни автора они не публиковались, кроме сатиры «Мнение глупцов об учении», впервые напечатанной в тифлисской газете «Арагат» 21 апреля 1851 года.

Стихи, вошедшие в этот раздел, за исключением «Мнения глупцов об учении» и «Минувших дней», составили небольшой рукописный сборник М. Налбандяна, переданный им в 1855 году его московскому приятелю Арутюну Гекчяну (1818—1875) — переводчику на армянский язык басен Крылова, Дмитриева и Хемницера. Вместе с оригинальными стихами в сборнике имелись и переводы М. Налбандяна произведений Лермонтова («Пророк», «Ветка Палестины», «Спор») и Пушкина («Черкесская песня» из «Кавказского пленника»).

«Тетрадь» М. Налбандяна переходила из рук в руки, а стихи из неё публиковались после смерти автора: в петербургском сборнике «Армянская лира» (1868), изданном другом поэта, воспитанником Московского университета Микаэлом Миансаряном (1830—1880), а также в московском «Альманахе литературы и истории» (1889—1890). Стихотворения «Арбат» и «Минувшие дни» впервые увидели свет в советские годы.

Сам М. Налбандян рассматривал «тетрадь» как первые свои опыты создания художественных произведений на народном языке («ашхарабаре»). В письме к А. Гекчяну он говорил, что его стихи «могут считаться памятниками младенческого возраста нового языка» (М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, 1954, стр. 619).

Наступление весны (стр. 21).

Масис — армянское название Арарата. [Назад](#)

Гайканцы — армяне (от имени «прародителя» армян Гайка). [Назад](#)

Гасбар Эскичи — во всех изданиях это имя остаётся нерасшифрованным. [Назад](#)

Музе муз (стр. 26).

Арамазд (Ормузд) — олицетворение доброго начала в религии древних персов. [Назад](#)

Ирида — богиня, олицетворявшая в греческой мифологии радугу. [Назад](#)

Деянье тёмное Сатурна — Сатурн, прародитель богов (соответствует греческому Кроносу), пожиравший своих детей. [Назад](#)

Арагац — самая высокая гора на территории Армянской ССР (4095 м). [Назад](#)

Поэт (Подражание) (стр. 31).

Хотя Налбандян не указывает имени автора, которому он подражает, нетрудно догадаться, что речь идёт о Пушкине.

Думы. «Сижу безмолвен и один. Душа восхищена...» (стр. 33).

Арусак — утренняя заря. [Назад](#)

Жизнь (стр. 52).

Угнаться ль Фулю иль Шараю? — Полулегендарные лица, отличавшиеся большим аппетитом. [Назад](#)

Тунки — мера вина. [Назад](#)

Арбат (стр. 56).

Написана в период пребывания Налбандяна в Московском университете. Гаспарян — один из друзей поэта.

Арцах — армянское название Нагорного Карабаха (в дореволюционное время — символ глухой провинции). [Назад](#)

Мнение глупцов об учении (стр. 58).

Агá — богач. [Назад](#)

1858—1861

Это зрелый период творчества Налбандяна, связанный с его сотрудничеством в демократическом журнале «Юсисапайл», где он выступал под псевдонимом «Граф Эммануэл».

Родина армянина (стр. 66). — Впервые — в журнале «Юсисапайл» (1858, № 3).

Сатира Налбандяна направлена против ложного понимания патриотизма, проповедуемого на страницах реакционной печати, в частности тифлисской газетой «Мегу Айастан» («Пчела Армении»). В неоконченном сатирическом романе «Вопрошение мёртвых» Налбандян адресует это стихотворение «герою» романа — дельцу и выжиге г-ну Овнатанянцу, в ком современники распознали черты реально существующего лица — известного московского коммерсанта-миллионера Ананова. Развенчивая буржуазный квасной патриотизм, автор романа иронически замечал, что г-н Овнатанянец был «одним из тех патриотов, которые своим патриотизмом так загрязнили воздух, что порядочным людям трудно стало дышать...».

Луна (стр. 70). — Впервые — в «Юсисапайле» (1858, № 4).

Предложение (стр. 72). — Впервые — в «Юсисапайле» (1858, № 9).

Свобода (стр. 76). — Впервые — в «Юсисапайле» (1859, № 9).

Знаменитое стихотворение Налбандяна было помещено в его «Дневнике» без заголовка. Впервые под названием «Свобода» оно было опубликовано в константинопольском журнале «Мегу» (1860, № 109), издаваемом соратником М. Налбандяна — Арутюном Свацяном (1831—1874).

«Свобода» Налбандяна перекликается с одноимённым стихотворением Н. Огарёва.

Дни детства (стр. 78). — Впервые — в «Юсисапайле» (1860, №7).

Пускай Дельфийский прорицатель лжёт... — Подразумевается ярый противник М. Налбандяна, архимандрит Г. Айвазовский — редактор реакционной газеты «Масяц Ахавни» («Голубь Масиса»), издававшейся в Феодосии. [Назад](#)

Аполлону (стр. 81). — Впервые — в журнале «Мегу» (1861, № 148).

Однажды я просил об этом... — Имеется в виду стихотворение М. Налбандяна «Музе муз». [Назад](#)

Песня итальянской девушки (стр. 83). — Впервые — в «Юсисапайле» (1861, № 11).

Популярная «Песня...» Налбандяна перекликается с известным стихотворением итальянского поэта Луиджи Меркантини «Собирательница колосьев из Сапри» (1857), посвящённым трагической гибели видного деятеля итальянского национально-освободительного движения Пизакане.

Но где же, Егише, тобой прославленные жёны?! — Имеется в виду патриотизм и доблесть армянских женщин, воспетые писателем-историком V века Егише в книге, посвящённой освободительной борьбе армянского народа против персидского ига. [Назад](#)

Ошакан (стр. 87). — Впервые — в «Мегу» (1860, № 117).

Стихотворение написано осенью 1860 года, во время пребывания Налбандяна в селе Ошакан (вблизи Еревана), где он посетил могилу основателя армянской письменности Месропа Маштоца (362—440).

Ваган — Ваган Мамиконян, полководец, руководитель восстания армянского народа против персидских захватчиков в 481—484 годах. [Назад](#)

Вардгес — полулегендарная личность, упоминаемая в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.). [Назад](#)

К эчмиадзинскому владыке. — Имеется в виду католикос — патриарх армянской церкви, резиденция которого находится в Эчмиадзине (недалеко от Еревана). [Назад](#)

1862—1865

В этот раздел входят произведения Налбандяна, написанные в Петропавловской крепости. Даты их написания неизвестны. За исключением «Обращения», при жизни автора они не печатались.

Обращение (стр. 90). — Впервые — в журнале «Юсисапайл» (1864, № 3) за подписью Фарахот Цолакянц.

Мечухеча — псевдоним редактора журнала «Мегу» Арутюна Свачяна. [Назад](#)

Амира — князь, богач. [Назад](#)

Ответ великого Вагана Мамиконяна (стр. 91). — Впервые — в сборнике «Армянская лира».

«Ответ...» Налбандяна — пародия на поэму «Смерть Вардана Мамиконяна» Рафаэля Патканяна (1830—1892).

Вардан — Вардан Мамиконян (дядя Вагана Мамиконяна), знаменитый армянский полководец, погибший в битве с персидскими захватчиками в 451 году. [Назад](#)

Двин, Арташат — столицы древней Армении. [Назад](#)

Сынам Просветителя... — Имеется в виду Григорий Просветитель (конец III — начало IV в.) — первый католикос, по имени которого названа армянская церковь григорианской (одна из ветвей христианской). [Назад](#)

И мы «Многи лета арийцу!» кричим... — Речь идёт об архимандрите Г. Айвазовском, вернувшемся в 1857 году из Парижа в Россию. [Назад](#)

Вспомняем (стр. 94). — Впервые — в сборнике «Армянская лира». В этом стихотворении Налбандян пародирует стихотворение Р. Патканяна «Забудем, братья, Гайка и Левона» (Левон (1199— 1219) — один из основателей армянского царства в Киликии).

Тигран — Тигран II, армянский царь (95—50 гг. до н. э.), при котором Армения стала могущественным государством. [Назад](#)

Пусть об руку станут богач и бедняк... — Налбандян считал освобождение Армении общенациональным делом. [Назад](#)

Шаракан — армянские молитвы. [Назад](#)

Сарбаз (перс.) — воин; здесь — захватчик. [Назад](#)

Крещение Кндук-Почата (стр. 97). — Впервые — в «Альманахе литературы и истории» (1895, кн. VI).

Кндук-Почат (Плешивый-Куцый). — Подразумевается архимандрит Г. Айвазовский. [Назад](#)

Бумагу... или письмецо... Лжи подмешай... — Налбандян намекает на деятельность Г. Айвазовского как агента III Отделения. В «Двух строках» (1861) он писал, что Г. Айвазовский не раз доносил на него министру внутренних дел, выставляя Налбандяна «безбожником, безнравственным человеком, мятежником и возмутителем народа». «Г-н Айвазов-

ский, — продолжал он, — предлагал сиятельному министру закрыть вредный журнал «Юсисапайл» и подвергнуть нас суровой каре по всей строгости закона. Возможно, г-н Айвазовский с отеческой заботливостью (с чисто оздоровительной целью) подготовил для нас место жительства в Нерчинске или Красноярске, чтобы несколько умерить нашу горячность сибирскими морозами...» (М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, стр. 379). [Назад](#)

В день празднования памяти святого Месропа (стр. 99). — Впервые — в «Альманахе литературы и истории» (1895, кн. VI).

Саак — ученик Месропа Маштоца. [Назад](#)

А вы, начётчики... — Имеются в виду члены армянской католической конгрегации в Венеции (мхитаристы). [Назад](#)

Васак — правитель Армении (марзпан), в ходе освободительной войны армянского народа против персидского ига (450—451) пошёл на прямое предательство, после чего имя его стало нарицательным. [Назад](#)

Мхитар — Мхитар Себастици (1676—1749), родом из Сиваса (Себастья), основатель католической конгрегации армян в Венеции. Отдавая должное его деятельности по изданию памятников древнеармянской литературы (на «грабаре»), Налбандян резко выступал против папистской идеологии мхитаристов. [Назад](#)

Венцы — Имеются в виду мхитаристы в Вене, где также была конгрегация армян-католиков. [Назад](#)

С. Даронян

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Даронян. Микаэл Налбандян — поэт-революционер</i>	5
СТИХОТВОРЕНИЯ	
1851—1855	
Наступление весны. <i>Перевод С. Шервинского</i>	21
Музе муз. <i>Перевод С. Шервинского</i>	26
Поэт (Подражание). <i>Перевод С. Шервинского</i>	31
Думы	
«О, малодушный человек, безвольный раб страстей!..» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	33
«Сижу безмолвен и один. Душа восхищена...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	34
«Весенней розы мне не надо...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	35
На могиле чужого человека. <i>Перевод С. Шервинского</i>	37
Бегущей воде. <i>Перевод С. Шервинского</i>	41
Истина. <i>Перевод О. Ивинской</i>	43
Надежда. <i>Перевод О. Ивинской</i>	49
Жизнь. <i>Перевод С. Шервинского</i>	52
Арбат. <i>Перевод С. Шервинского</i>	56
Мнение глупцов об учении. <i>Перевод В. Баласана</i>	58
Шестая заповедь — не прелюбодействуй. <i>Перевод В. Баласана</i>	61
Минувшие дни. <i>Перевод С. Шервинского</i>	64
1858—1861	
Родина армянина. <i>Перевод С. Шервинского</i>	66
Луна. <i>Перевод С. Шервинского</i>	70
Предложение. <i>Перевод С. Шервинского</i>	72
Свобода. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	76
Дни детства. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	78
Аполлону. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	81
Песня итальянской девушки. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	83
Ошакан. <i>Перевод С. Шервинского</i>	87
1862—1865	
Обращение. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	90
Ответ великого Вагана Мамиконяна. <i>Перевод С. Шервинского</i>	91
Вспомянем. <i>Перевод С. Шервинского</i>	94
Крещение Кндук-Почата. <i>Перевод С. Шервинского</i>	97
В день празднования памяти святого Месропа. <i>Перевод С. Шервинского</i>	99
Примечания <i>С. Дароняна</i>	103

Микаэл Налбандян
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *А. Кафанов*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректор *Г. Бейлинсон*

Сдано в набор 30/III 1966 г. Подписано к печати 29/VIII 1966 г. Бумага типографская № 1. Формат 70 × 108¹/₃₂. 3,5 печ. л. 4,9 усл. печ. л. 3,3 уч.-изд. л. Тираж 17 000 экз. Заказ № 731. Цена 27 коп.

Издательство
«Художественная литература».
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика «Октябрь» Комитета
по печати при Совете Министров УССР,
Киев, Артёма, 23-а.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир.

